

ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

ББК 82.3
УДК 398

Т. С. ШЕНТАЛИНСКАЯ
(Москва)

МАРКОВСКИЙ ПЕСЕННИК

Чистый случай сохранил эту ценную рукопись. Она оказалась в ворохе бумаги, продававшейся старьевщиком в послевоенном Харбине на вес как макулатура. На титульном листе тетрадки обозначено название — «Марковский песенник», место — «Село Марково в Анадырской округе»¹ (это центральная Чукотка), время — «1896 года июня 9 дня» и имя составителя — «Чуванец Афанасий Дьячков»². Ворох макулатуры оказался архивом бывшего начальника Анадырской округи (1894—1897) Николая Львовича Гондатти, умершего в Харбине. Приобрел и спас эти бумаги большой любитель книг и рукописей И. Г. Гетманов, который, в свою очередь, передал материалы, относящиеся к Анадырскому краю, будущему научному сотруднику Ленинградской части института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), будущему доктору исторических наук Владимиру Сергеевичу Старикову [Стариков 1961, 99], вернувшемуся на родину и вернувшему на родину бесценный архив. В настоящее время ру-

копись хранится в Музейном центре «Наследие Чукотки» (г. Анадырь), где мне была предоставлена возможность получить его ксерокопию.

Если «Марковский песенник» сохранился случайно, то появление его вообще чудесно. Потому что связано с чудом самой личности его составителя.

Афанасий Ермилович Дьячков — совершенно уникальная личность. В масштабах Чукотки, а может быть и всего северо-востока Сибири, можно сказать — свой «Ломоносов». Его называют чукотским «просветителем».

Некоторые подробности жизни Дьячкова стали известны из написанного им самим краткого жизнеописания. Он считал себя чуванцем и принадлежал к чуванскому обществу жителей Маркова. Но однозначно определять национальное происхождение анадырцев не представляется возможным. Показательна родословная Афанасия Ермиловича Дьячкова. Выясняется, что прапрадед его — «природный коряк», как называет его Афанасий Дьячков. Он был взят в заложники-аманаты до уплаты долга-ясака в Гижигинский острог, там он крестился и получил русское имя Никифор и фамилию Дьячков и уже не вернулся к родичам. Так вот этот «природный коряк» женился «на чуванской девице»; их сын «перешел в Колыму, где женился на якутской девице»; средний сын этой пары «женился на чуванской девице»; в свою очередь, у их старшего сына Ериила и его жены — «омотской»³ девицы» родился Афанасий Ермилович — «по званию чуванец». Так он сам составил свою родословную [Стариков 1961, 99]. А родился он, как вычислил автор написанной об Афанасии Дьячкове повести Н. А. Жихарев, в 1840 г. [Жихарев 1992, 15, 17].

¹ Село Марково к середине XIX в. стало центром анклава русского языка и фольклора на Чукотке. Особенностью этого анклава является то, что он существует в среде метисов, живущих в метрополии своих предков по материнской линии, в основном юкаги-ров, чуванцев, ламутов.

² Чуванцы — народ в Российской Федерации, восточная ветвь племени юкагиров.

³ Омоки — племенная группа юкагиров, исчезнувшая к настоящему времени.

Дотошливая любознательность, тяга к знаниям росли вместе с мальчиком, и отец даже купил ему по случаю — распродавалось имущество умершего купца — две книжки: «Евангелие» и «Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества», казалось бы, совсем не нужные в семье безграмотных оленеводов и промысловиков [Стариков 1961, 99]. Но Афанасий стал искать возможность научиться читать. И начал учиться... лишь в 21 год. Учился у малограмотного колымского мещанина, занимавшегося торговлей на Анадыре [Жихарев 1992, 17]. «Когда же Афанасий стал достаточно почитать книжки, ему захотелось учиться письму, — так пишет он в своей автобиографии. — Письму научиться еще труднее, чем читать. Надо бумаги, чернила и карандашей, где же их взять... в Марково не было таких вещей... Афанасий стал писать с пера на перво на ледяных окнах. Потом стал писать заостренною свинцовою палочкой на тонко драном бересте. Потом начал готовить чернила из черных ягод, которми писал лебедиными перьями, так же на бересте» [Стариков 1961, 100]⁴.

И вот результаты: марковский священник отец Митрофан Шипицын стал приглашать Афанасия читать в церкви во время богослужения. А когда в 1883 г. по распоряжению епархиального начальства открыта была в Марково школа, священник обратился к Афанасию с предложением поступить в школу в качестве учителя. Итак, он становится первым учителем, и на многие годы единственным, в первой школе на Чукотке.

А начальник Анадырского округа Л. Ф. Гриневецкий (прожил в Маркове с лета 1890 г. по лето 1891 г.) поручил Дьячкову вести метеонаблюдения, научил снимать показания с приборов, установленных на оборудованном метеорологическом пункте.

Затем Гриневецкий доверил Афанасию Ермиловичу написание краеведческого очерка. Он сам должен был писать обстоятельный научный отчет об Анадырской округе, собирал нужные

Портрет Афанасия Ермиловича Дьякова, выполненный художником В. Е. Королевым

сведения о географии, животном мире, о населении и, очевидно, получал удовлетворяющие ответы на свои вопросы от школьного учителя. Но, не прослужив и года на Анадыре, Гриневецкий смертельно заболел и, чувствуя близкий конец, переложил задачу описания Анадырской округи на Дьякова.

Он знал, что, несмотря на свою малограмотность, учитель ведет дневник, составляет тексты для чтения учеников, которые включали рассказы о природе края, растительном и животном мире, о народах Чукотки, сказки, случаи из жизни анадырцев [Жихарев 1992, 106].

Гриневецкий передал в помощь Дьячкову составленную им «Общую схему», в которой были обозначены шесть глав:

1. Географическое описание края.
2. Животный мир.
3. Население.
4. Промыслы.
5. Быт населения.
6. Торговля.

Вот тут-то и пригодилась купленная когда-то отцом на ярмарке книжка — «Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества». В качестве примера она помогла Дьячкову приступить к написанию своего краеведческого очерка [Там же, 108].

⁴ Сохранена оригинальная орфография, передающая особенности местного говора.

5. Встречают тысячного с походом
на правую сторону невесты.
Ты же Водя, ты же Водя, сиротинка, ты же
бывшая сиротинка. Небуди ветра на
восток, не буди гости на юг, милости про-
сим, милости просим, Добро-милостиво, по-
смотрим на нашу М.М.А. ...

6. передъ выходя изъ комнаты за
стола подъ благословеніе родителей
идти поклонясь

Соню Соню катился изъ за лавочки, красна
катился изъ за тумача, выходящая изъ изъ
за стола, бросила кинжал надъ душой стола, и
тебѣ батюшка тебѣ не клялись твоей, и
клялись буду свѣрху батюшки. и тебѣ
равная матушка не вѣрещица твоя, вѣрещица
и буду свѣрху матушки. Охъ, ты
Симеонъ не отдашь тебѣ. Охъ, ты батю-
шка, вѣдь во двора то бѣре. Ну Симеонъ
ты Симеонъ бѣре стола.

+) u и v — функции Грина

Содержание заданных глав автор наполняет массой фактических данных с цифрами, таблицами, приводит исторические сведения, топонимику (в некоторых случаях с попыткой этимологического анализа) обширной территории, демонстрирует социальный состав жителей и устройство общества, сообщает уникальные этнографические сведения о хозяйственно-бытовых и культурных традициях полиэтнического местного населения, описывает многие обычаи и обряды, дает описание музыкальных инструментов, например, шаманского бубна, а также включает в повествование фольклорные тексты, в том числе мифы, сказки, предания, былички, анекдоты.

Поражает и восхищает, как быстро, как содержательно был исполнен этот уникальный труд: всего 4 месяца (1891 г.). А ведь это на фоне занятости работой в школе, на метеопункте, тяжелейших хозяйственных забот северного быта!

И вот, в 1893 г. в Записках Общества изучения Амурского края (Т. II.) во Владивостоке выходит очерк «Анадырский край. Рукопись жителя села Марково г. Дьячкова». За этот труд Дьячков был удостоен серебряной медали Императорского русского географического общества (1895).

Медаль — медалью, а жизнь — жизнью. Бывали периоды, когда годами учитель работал бесплатно, бесплатно работал и на метеопункте.

«Вот уже четвертый год школа ничего не получает, — писал новый анadyрский начальник епископу Камчатскому, Курильскому и Благовещенскому Макарию. — Не на что приобрести пособия, нет возможности дать хотя бы 50—60 рублей в год местному учителю из оседлых чуванцев Афанасию Дьячкову, человеку хотя и не особенно грамотному, но все-таки благодаря ему среди населения есть ныне умеющие немного читать и писать. Он — само-

учка и очень любит свое дело». А к этому времени семья А. Е. Дьячкова насчитывала уже десять человек [Там же, 127].

В статье «Развитие грамотности в с. Марково в 1896 г.» (тот же год, когда был составлен песенник) Дьячков пишет: «Мальчики и девочки не имели у себя ни книжки, ни карандаша, а о писчей бумаге и говорить нечего». Ученики мастерили себе маленькие тетради из бересты и писали в них свинцовыми карандашами, которые делали сами из ружейной дробы [Там же, 80, 81]. А между тем, к 1893 г., например, школу закончило 115 человек. И это на село, в котором жило всего 304 человека взрослых и детей! [Там же 126].

Есть мнение, что «Марковский песенник» был составлен в ряду других школьных пособий учителя [Там же, 89]. Впрочем, возможно, Песенник был составлен по поручению или по совету, просьбе нового начальника Анадырского округа, весьма просвещенного человека — Николая Львовича Гондатти⁵. Служа на Чукотке, он собрал крупнейшую этнографическую коллекцию, включающую и музыкальные инструменты (коллекция хранится и экспонируется в Кунсткамере и, частично, в Музее этнографии в Петербурге). Феномен бытования русского фольклора среди «инородцев», как тогда называли аборигенов края, наверняка живо интересовал его. Неслучайно «Марковский песенник» среди других рукописей Дьячкова оказался именно в архиве Гондатти.

Сохранилась групповая фотография 1890 г., запечатлевшая группу детей-школьников и марковскую «элиту»: начальника округа и его помощника, казаков, старост сельских общин, церковный притч. А в левом углу —

⁵ В прошлом — ученый секретарь антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, участник экспедиций в Северную Сибирь, член-корреспондент Антропологического общества в Париже, после Анадырского округа (1894–1897 гг.) — губернатор Тобольской, затем Тюменской губернии, Приамурской области.

и школьный учитель. С этого маленького, еле различимого отпечатка художником В. Е. Королевым был сделан портрет Афанасия Ермиловича Дьячкова.

Описание рукописи

Тетрадь содержит 42 песенных текста⁶. Они сгруппированы в четырех разделах по жанрам, коим даны определения: *А. Песни игровые*, *Б. Песни заунывные и любовные*, *В. Виноградие⁷ песни*, *Г. Свадебные песни*. Виноградья и свадебные песни составитель счел необходимым снабдить ссылками и ремарками-комментариями об их месте по ходу обряда. В рукописи А. Е. Дьячкова песни не разделены на стихи и строфы. В данной публикации «строчная» запись заменена стиховой, добавлены недостающие знаки препинания, сохранена орфография оригинала, передающая особенности местного говора, устаревшие правила письма, но исключен твердый знак в конце слов, буква «і» заменена на «и», «ять» — на «е». Явные описки и некоторые грамматические ошибки исправлены. В треугольных скобках помещены возможные реконструкции автора публикации.

Обозначены знаком звездочки (*) все отсылки к примечаниям Дьячкова, которые проставлены им в рукописи то цифрами, то крестиками со скобкой. В нескольких случаях восстановлено несоблюденное автором соответствие отсылки и самого примечания.

⁶ Общее количество не совпадает с авторской нумерацией. Первая песня «Венчик», названная Дьячковым «игровой», помещена перед разделом игровых, и нумерация начинается со второй — «Я хожу, хожу кругом города». Кроме того, две песни — «Заплетайся плетень» и «Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди» — объединены под одним номером, так как по традиции следовали одна за другой, составляя хороводную сюиту. Таким образом, в разделе игровых автором пронумерованы 19 песен. В цикле свадебных составитель также оставил без номера одну из песен.

⁷ Предпоследняя буква написана с исправлением: то ли «н» исправлено на «и», то ли наоборот; мы посчитали, что «виноградие» звучит, в данном случае, более достойно, чем «виноградне».

Л. 1 **Марковский песенник**
Чуванец Афанасий Дьячков
Село Марково в Анадырской округе
1896 года июня 9 дня

{1}⁸

Л. 1об. Венчик
Игровая песня
 Ах, ты, венчик, мой веночик,
 Ой да, мой веночик;
 Ты лазеровой цветочик,
 Ой да, мой цветочик.
 Разкуда тебя, веночик, соложить,
 Ой да, соложить;
 Соложу тебя, веночик, на головку,
 Ой да, на головку,
 Ко удалому да ко молодцу,
 Ой да, ко молодцу,
 (если действующее лицо представляет
 мужчина тогда:
 «Ко душе красной ко девице»)
 Что ни кум со кумою покумился,
 Ой да, покумился;
 Среди кружка становился,
 Ой да, становился.
 Ах, ты, мой кум,
 Ах, и я твоя кума,
 Где мы сойдемся,
 Тут обоймемся,
 Поцелуемся, помилуемся.

Л. 2 **А. Песни игровые**

{2}

1. Я хожу, хожу кругом города,
 Я хожу, хожу кругом широка,
 Я секу, рублю мечем ворота,
 Да я секу, рублю мечем ворота,
 Да я возьму её за правую руку,
 Да овведу её кругом города,
 Я поставлю е на местечке,
 Да что на местечко показаное,
 Вы сойдитесь ближешенько
 Да обоймитесь крепчешенько
 Да поздоровайтесь милёшенько

{3}

2. Ходит Царь круг нова города,
 Круг нова, широка,
 Ищет Царь царевну свою,
 Королевну свою,
 Ой да, еще кто слышал, да еще кто
 видал
 Про царевну мою, королевну мою;
 Ой да, вон она стоит во новом
 городе,

Во новом широке,
 Ой да, золотми ключми да золотми
 ключми
 Изпробракала, изпробракала,
 Ой да, золотым венцем да золотым
 венцем

Изпросветила, изпросветила.
 Ой да, ты возьми её да ты возьми её,
 За правую руку, за правую руку,
 Ой да, овведи ее да овведи её
 кругом города,
 Круг нова, широка,
 Ой да, ты поставь ее да поставь
 Во новом городе, во новом широке,
 Ой да, ты заставь её да ты заставь ее
 Скакати и плясати, скакати
 и плясати.
 Ой да, вот она скотила, вот она
 скотила,
 Потешила Царя своева короля.

{4}

Л. 2об. 3. Как у голуба, как у сизова
 Золотая голова, золотая голова;
 Да у девочке, у красотке
 Подзолотеной венец, подзолотеной
 венец.
 Позавидовал⁹
 Разудалой молодец, разудалой
 молодец;
 Кабы ты, моя голубка,
 Со мной с голубом жила, со мной
 с голубом жила¹⁰,
 Кабы ты, красна девица,
 Со удалым молодцем, со удалым
 молодцем.
 Я бы летом, я бы летом
 Во корете прокатил, во корете
 прокатил,
 Я бы осень, я бы осень
 Епаньчу тебе сошил, епаньчу тебе
 сошил,
 Золотою, золотою
 <Золотой> парчей покрыв, золотой
 парчей покрыв.
 Соболями, соболями,
 Соболями распушил, соболями
 распушил.
 Я бы зимною порою
 В Петербурху развозил, Петербурху
 развозил;
 Прошу радость, прошу радость,
 Поздороваться со мной,
 поздороваться со мной

⁸ В фигурных скобках проставлена общая последовательная нумерация текстов, при песнях сохранена нумерация составителя.

⁹ Вероятно допущен пропуск повтора.

¹⁰ Здесь повтор надписан над зачеркнутыми словами следующего стиха.

{5}

4. Сяду, сяду под окошко, посмотрю
в окошко,
Не в лесах, не в долине стоит куст
малины.
Откуль ветер не повеет, туда кусты
клонит,
Куда милой не поедет, туда мысли гонит;
Приходили мне, младеньке, любими
подружки,
Приносили мне подружки от милова
письма,
А я письма принимала, к сердцу
прижимала,
Ево слово прочитала, слезно возридала,
Пишет, пишет мой милинькой: с тоски
нездоров я,

Л. 3 Хотя я буду, хоть не буду, /¹¹ тебя
не забуду.
Жди недельку, жди другую, хоша три,
четыре.
Стелю, стелю подушечку мягку,
пуховую,
Люблю, люблю молодущку
её молодую,
Кто меня любит, тот подарует,
Кова люблю, кова люблю,
това поцелую.

{6}

5. Не ходи, моя¹² милая,
бережком-увалом,
Не люби, моя милая, женатова даром,
Разженатый, разбогатый, холостоёт
<холостой-от> мильчик <так>,
Холостоёт мильчик, сизынькой
голубчик.
Холостой глазом наводит, из ума
выводит.
— Пойдем, душечка, со мной, в садик
разгуляться.
— Мне наскучило одной по траве
шататься,
Я люблю тебя душёю, а ты
лицемеришь.
— За любовь твою другую семь раз
поцелую,
Семь ли восемь раз целую любезную.

{7}

6. Летал голуб, летал сизой
со голубушкою,
Разудалой молодец красной девицею.
Кабы ты, моя голубка, со мной,
голубом жила,
Кабы ты, красна девица, со удалым
молодцем,

¹¹ Знаком «слеш» отмечены границы между листами.

¹² «Моя», очевидно ошибочно, написано дважды.

Я бы золотом обсыпал, жемчугом
обложил,
На емских лошадях, на прекрасных
саниях.
Сажу голуба на рученьку,
не трохнется,
Посажу я на другую не ворохнется..
Скажу — кес! Скажу — кес! Полетай,
голуб да мой (домой. — Т. III.),
Полетай, голуб да мой,
разпрошаемся со мной.

{8}

Л. 3об. 7. Со выюном я хожу, животом гуляю,
Я не знаю, куда выюна положить,
Я не знаю куда выюна соложить.
Соложу я выюна, соложу живота
Уж я Павла на Павловича,
Катерине на наволоку,
Возбоярине на¹³ правое плече.
Уж я дам, я не дам за него
Три гривинки серебряные,
Три-четыре подзолотеные,
Уж коня выноходова,
Молодца кудреватова,
Холостова, неженатова.
Я за девицей иду-иду,
За хорошинькой бегу-бегу,
Поцелую да назад отойду.

{9}

8. У воробушке головушка болела,
Возболела, возболела, возшумела.
Что речивое сердечушко болело,
Возболело, возболело, возшумело.
Ты садися, воробейко, на лужечик,
На лужечик, на лужечик,
на кружечик.
Ты ужли, ужли, воробушек,
слетаешь,
Ты слетаешь, ты слетаешь¹⁴,
улетаешь,
На кова ты, воробейку покидаешь.
Ты ищи, ищи, воробушек замену,
Что замену, что замену, перемену.

{10}

9. Погорела лебеда без воды,
Погорела лебеда без воды,
Моя крупная росадушка,
Моя крупная зеленая,
Моя крупная зеленая.
Пошлю казака за водой,
Пошлю казака за водой,

¹³ «На», очевидно ошибочно, написано дважды.

¹⁴ «Ты слетаешь», очевидно ошибочно, написано трижды.

Л. 4 Не воды нет, не ка / зачинки,
Не воды нет, не казачинки.
Кабы мне, младе, ворона коня,
Кабы мне, младе, ворона коня,

Я бы вольна казачка була,
Я бы вольна казачка була,
Скакала, плясала по лугам,
Скакала, плясала по лугам,
По зеленым дубровушкам,
По зеленым дубровушкам
С донским с молодым казаком,
С донским с молодым казаком,
Разудалым, добрым молодцем,
Разудалым, добрым молодцем.

{11}

10. Караводе были мы,
Караводе были мы
Были мы, были мы,
Во тальянском гуляли,
Во тальянском¹⁵ гуляли,
Гуляли, гуляли,
Что нам нужно видели,
Что нам нужно видели, да
Видели, видели.
Стань, молодчик, пребодришь,
Стань, молодчик прибодришь, да
Прибодришь, прибодришь,
Перед девкой степенись¹⁶ да
Степенись, степенись,
Трижды, дважды по́вернись¹⁷, да
По́вернись, по́вернись,
Трижды ниже поклонись, да
По́клонись, по́клонись,
Хоть немношко протонцуй,
Хоть немношко протонцуй,
Протонцуй, протонцуй,
Сорок семь раз поцелуй, поцелуй.

{12}

11. Стань, мой милой, караул, стань,
хороший, караул,
Станем разсходиться, станем
разсходиться.
Я во етом карауле, Я во етом карауле
Скакала, плясала, скакала, плясала,
Л. 4об. Вот ска / кала, вот плясала,
Венок сороняла, венок сороняла,
Я веночик сороня<ла>, я веночик
сороняла,
Милова искала, милова искала,
Вон мой миленькой идет, вон
хорошинькой бегот,

¹⁵ После этого слова зачеркнуто «да».

¹⁶ Здесь, в последующих двух строфах и в последней составитель не выписывает повторы стиха.

¹⁷ Ударение здесь, возможно, поставлено ошибочно.

Веночик несет, веночик несет,
Я веночик принимала, я веночик
принимала,
Дружка целовала, дружка целовала.

{13}

12. Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь со лебедушкою,
Плыла лебедь со лебедушкою,
Плавши лебедь¹⁸,
Плавши лебедь укорнулася,
Укорнулася, стрепенулася,
Укорнулася, стрепенулася;
Вышла лебедь,
Вышла лебедь она на́ бережек,
Вышла лебедь она на́ бережек.
Ходит, гулят,
Ходит, гулят по садам, по лугам,
Ходит, гулят по садам, по лугам,
Сбирает перья,
Сбирает перья соколиныя,
Сбирает перья лебединыя,
Неоткуль взялся,
Неоткуль взялся удалой молодец,
Неоткуль взялся удалой молодец.
— Ты спесивая, ты спесивая,
Ты спесивая, гордивая була.
Пошлю свата, пошлю свата,
Пошлю свата высватаю за себя,
Пошлю свата высватаю за себя,
— Я думала, я думала
Не ты идешь низко кланяеся,
Л. 5 Не ты идешь / низко кланяеся,
Не ты идешь здоровася со мно<й>,
Не ты идешь здоровася со мной.

{14}

13. Я катю, катю по блюдищу,
По малинному яблочку,
Что ни конь берегами бьёт,
Берегами бьёт, воды не пьёт,
Золотой уздой побракивает,
Стременами пошевеливает,
На все стороны посматривает;
Туда шел, проходил молодец,
Разудалый добрый молодец,
За собой он ведет суженую,
Душу красную девицу,
Молоду её, молодушку.
Уж трепал бы, трепал бы её,
Целовал бы, миловал бы её.
Мои ручиньки болят да болят,

¹⁸ Здесь и далее в некоторых строфах составитель не выписывает повторы слов, типичные для композиции строфы в данной песне (см. первую, восьмую, девятую строфы), или не соблюдает последовательность этих повторений. Возможно, что и в пении допускались подобные варианты.

Мои белы изгибаются,
 Мои белы изгибаются,
 На руках перстни ломаются,
 Из перстней ставки теряются.
 Что лиха свекра журит, да бранит,
 Что журит, бранит, здороваться велит.

{15}

14. По ельничку, по березничку,
 По такому, по мелкому, по осиничку
 Идет молодец горой, ведет девицу
собой,
 — Пойдем, девица, пойдем, красная.
 Как у нас во пиру, во весолом терему
 Много шитых, много браных, много
белых полотен.
 Много шелковицы, полушелковицы.
 Мальчик на ногу ступает, ума-разума
питает,
Л. 5об. Мальчик ручку / жмот, поцелуй ждет,
 Поцелуй мои уста ради милова
дружка.

{16}

15. Пелипелка-ласточка,
сизокрылая, косатая моя,
 Да уж пелепелушка головушка болит.
 Да уж пелепелушка-ласточка,
сизокрылая, косатая моя,
 Живот-сердце болит.
 Да пелипелушка-ласточка,
сизокрылая, косатая моя,
 Права ножка болит.
 Да пелипелушка-ласточка,
сизокрылая, косатая моя,
 Права ручка болит.
 Да пелипелушка<-ласточка>,
сизокрылая, косатая моя,
 Вся здрава стала.
 Да пелипелушка<-ласточка>,
сизокрылая, косатая моя,
 Куда захотела, туда полетела,
 Кого полюбила, того иняймала.

{17, 18}¹⁹

16. Заплетайся плетень, завивайся,
 Золотая труба, завивайся,
 Серая утица
 Потопила малых детушек,
 Что во меди, во патуге,
 Что во еси сахарные.
 Вы раздайтесь, разступитесь,
добрые люди,
 Вы на все, вы на четыре на сторонки,
 Еще дайте мне, младеньке, походить,

¹⁹ Со слов «Вы раздайтесь...» начинается другая песня, соответственно обозначенная здесь следующим номером 18.

Еще травачку-мураву потоптати,
 Покуль батюшко-сударь замуж
не выдаст

Л. 6

За такова, за детину, за невежу,
 За такова, за детину, / за невежу;
 С кабаку идет невежа, свишет, гайкат,
 Скабаку идет невежа, пьяншет, скачет,
 Скабаку идет невежа, пьяншет, скачет,
 — Еще дома не жена, жена молодая,
 Еще жена молодая?
 Поскорешинько с кроваточке ставала,
 На босу ножку башмачки надевала,
 Одной тонинькой сорочке выбегала,
 Одной тонинькой сорочке выбегала,
 Крепко-накрепко ворота запираля,
 Посмелёшинько с невежей говорила:
 — Ты начуй, начуй, невежа за
воротьми,
 Вот те крутые зголовья — мои
подворота,
 Вот те мягкая перина — белая пороха,
 Соболинное одяльце — лютые
морозы,
 Вот те крепки караулы — мурзые²⁰
собаки.

{19}

17. Вдоль по улице, улице большой,
 Вдоль широкой удалинькой прошел.
 Он которую постречу искал,
 Постречался ни здорова не сказал.
 — Верно, миленькой не любишь
меня,
 Верно, милой, есть иная у тебя.
 — Правда, правда, красна
девица-душа,
 Не одна ты уродилась хороша,
 Не одна ты уродилась хороша,
 Есть таковых много лучше тебя.
 — Посмотрите, добры люди на меня,
 Тем я, девица, родилась дурна?
 — Наша Катинька белёшинька,
 На нее смотреть милешинько,
 Наша Катинька не с кем не говорит,
Л. 6об. Наша милая речами / всех дарит.
 — Вот станю я ранешинько,
 Я обмоюся белешинько,
 Я обмоюся белешинько,
 Снаряжусь я хорошошинько,
 Снаряжусь я хорошошинько,
 Побегу дружку хорошинойкой,

²⁰ По В. Далю: Мурза об. мск. ярс. За-марашка, чумичка... кто мурзится, говор. о ребенке, упрямится, дурит. Мурза м. татарский князек... местами слово это обратилось в бранное... Мурзиться тмб. гневаться, злиться.

Побегу дружку хорошинойкой,
Ощепню его легошинько,
Ощепню его легошинько,
Поздоровуюсь милёшинько.

{20}

18. Ты, Паранюшка моя,
Себе Ванюшку манила,
Ваня скок на порок,
Сапожиньки спали с ног,
Пошел Ванюшка на крук,
Перчаточки спали с рук,
Пошел Ванюшка домой,
С него шапочка долой,
Ево мила по поскала²¹,
На головку надевала,
На добра коня садила,
Приговаривала:
— Ты гуля<й>, мой друг,
Не загуливайся,
На хороших, на пригожих,
Не засматривайся,
Я одна, твоя Паранюшка спешивая
была,
Что спешива, что гордива,
Что сударюшка твоя,
Что сударюшка твоя,
Поцелую три раза,
Иванушку-сокола.

{21}

19. — Бояре, да вы затем пришли,
Молодые, да вы затем пришли?
— Княгини, да мы невест смотреть,
Молодые, да мы невест смотреть.
— Бояре, да покажите жениха,
Молодые, да покажите жениха.
— Княгини, да во се наш женишек,
Молодые, во се наш женишек.
Л. 7 — Бояре, / да покажите нам кафтан,
Молодые, покажите нам кафтан.
— Княгини, да во се наш кафтан,
— Молодые, да во се наш кафтан.
— Бояре, да покажите колпачек,
— Молодые, да покажите колпачек.
— Княгини, да во се наш колпак,
— Молодые, да во се наш колпак.
— Бояре, да покажите башмачек,
— Молодые, да покажите башмачек.
— Княгини, да во се наш башмак,
— Молодые, да во се наш башмак.
— Бояре, да покажите нам перчатки,
— Молодые, да покажите нам
перчатки.
— Княгини, да недовязанные,
— Молодые, да недостроченные

- Бояре, да вы вяжите поскорее,
— Молодые, да вы вяжите поскорее.
— Княгини, да нам Аннушка сошьет,
— Молодые, да Ивановна²² пришлют.
— Бояре, да вам которая любя,
— Молодые, вам которая любя?
— Княгини, нам Аннушка любя,
— Молодые, да нам Ивановна любя.
— Бояре, да поздороваемся,
— Молодые, да поздороваемся.
— Княгини, да как прикажите,
— Молодые, да как позволите.
— Бояре, да вам приказано,
— Молодые, да вам дозволено.
— Княгини, да со всем поездом,
— Молодые, да со всем поездом.

Б. Песни заунывные и любовные

{22}

1. Спой, соловей, ну пропой, молодой,
Л. 7об. гром / ку песенку,
Громку песенку.
Нет у мне молодца, нет роднова
отца, нет ни матери,
Нет ни матери.
Хоть на правду сказать, есть
родимая мать, та спешивая,
Та гордивая.
Хотя есть родной отец, но и тот,
наконец, позабыл меня,
Позабыл меня.
Скучно жить сироте на чужой
стороне без отрадушке,
Без отрадушке.
Та отрада была, но когда-то, всегда,
красная девица,
Раскрасоточка.
Она шлет мне письмо, что пропало
кольцо обручальное,
Обручальное.
Разступись для меня, мать-сырая
земля, страшной пропастью,
Страшной пропастью.

{23}

2. Матушка, голубушка, солнишко²³
мое,
Пожалей да, родимая, дитетку свою,
Пожалей да, родимая, дитетку свою.
Словно змея лютая грудь мою сосет,
Словно змея лютая грудь мою сосет,

²² «Ивановна» написано над зачеркнутым «Аннушка».

²³ Слово «солнишко» написано над зачеркнутым «дитетко».

Всю мне ночь темную спать мне
не дает.
Когда я спать ложусь, молитву творю,
Чудь заснувши мне грезится будто
наву,
Буд<т>о моет (мой-от. — Т. III.)
милинькой в горенку зашел,
Ко тесовой кроваточке тихо подошел,
Шелковую занавеску смело распахнул,
Л. 8 Соболинное / одеяльцо тинно
приоткрыл.
— Спишь ли ты, моя милая, или так
лежишь?
— Не сплю я, милинькой, не так
лежу,
Пришло время раставанью,
милинькой, с тобой.

{24}

3. Вечёр был я на улице, на дворе,
Очудился во царевом, славном кабаке,
Получил письмо от красоточки сейчас.
Получил письмо, крепко сердцу
прижимал,
Распечатывал письмо, я головкой
покачал,
Стал читать письмо, полелись слезы
из глаз.
Пишет, пишет мне красоточка
в письме:
Приезжай, друг, я очень трудна,
больна,
Трудна, больна в постелечку слегла.
Хоть ты не приедешь, позавочно
распростишь.

{25}

4. Лучинушка березовая,
Зачем ты, лучинушка, неясно
горишь,
Неясно горишь, не спихиваешь?
Неясно горишь, не спихиваешь?
Видно ты, лучинушка, вечер в печи
не была,
В печи не была, не высушилась.
Лихая свекоровушка водой залила.
Ах вы, нянюшки, мамушки мои,
Ложитесь спать, ложитесь спать,
Вам некова ждать.
А мне, молодой, младеньке,
Л. 80б. Всю ночь / ку не спать,
Всю ночь не спать, мила дружка
ждать.
Первой спень я заснула, нету никовая,
Второй спень я заснула, нет милой
при мне,
Третий спень я заснула, зоря-белой
день.
Взглянула я в окошечко, порошка
лежит,

По этой порошиньке дорожка белет,
По этой дорожине мой милой гулят.
На нем кафтанные полы повеивают,
Черна его шляпочка промелькивает.
— Затем ты, любезная, всю ночь
проспала,
Дорога гостя не ждала?
— Не крыти, не реви, мой миленькой,
Мой папаша на дворе.
Услышит мой папашинька,
Будет мне журить, бранить.

{26}

5. Снежки белые, пушисты покрывали
все поля,
Одно поле непокрыто — лютова гора
моева.
Есть кусточик среди поля
одиношинец стоит.
Он не низко к земле клонит,
ни листочка нет на нем.
А я, бедная, злосчастлива, я горюю
по милому,
Я горюю и тоскую понапрасну слезы
лью.
Слеза канет не простая, травка
вырастет на нем.

{27}

Л. 9 6. Сказали про молодца будто без вести
не стал,
Вечер, вечер молодец вдоль по улице
прошел,
Любимую²⁴ песенку на свисточках
просвистал,
Ко своей же, ко любезной терем
вестку подавал.
Горела бы у девицы воску ярова свеча.
Ждала она молодца до девятого часа.
Пришел, пришел молодец во втором
часу ночи.
— Затем, затем, милинькой, долго
не буювал,
Зачем, молодец, призамешкался
в дому?
— Любимую свояченицу на игрище
снаражал,
Любимова шурина на стрельбище
отправлял,
А с угрумой женою распобранушка
была.
Журила и бранила, с тобою, красная
девица, корила.
Чудь я её, росбестию до смерти
не зашиб.

²⁴ «Любимую» написано с исправлением, вместо «Любезную».

— Не бей, не бей, молодец, угрюмую
жену,
С угрюмой женою тебе век вековать,
А со мною, красною девицей одну
ночку ночевать.

{28}

7. Заря занималась, солнце, солнце
выкаталось
Выше ельничку, выше да березничку,
Выше горькова, младова осинничку.
Что неясен сокол со гнезда слетает,
Не добрый молодец со двора съезжает.
Сам да прощается.

Л. 9об. — Ты прощай, / прощай, мой
образован полк,
За полком прощай, моя хатерушка,
За хатерушкой прощай, моя хозяйюшка,
За хозяйюшкой прощай, моя любезная,
душа Аннушка.
Когда я тебя любил, тогда я счастлив бул,
Как от вас остал, злой-несчастлив
и болен весь я стал.

{29}

8. Что ты, сокол мой, да не весел,
призадумавши сидишь?
Блейну голову повесил, хвост по ветру
опустил?
Или кто тебя обидел по небесной
вышине?
— Две великие печали есть на сердце
у меня,
Мою душу разчерзают, словно лютая
змея.
Там за морем, морем синим голубицу
я любил,
Один сокол черноокий от меня ее
отбил.
Во степях, степях широких бистра
речинько течет²⁵,
Он ее, разбестия, всю до капли
изшушил.
От тово-то я невесел, хвост по ветру
опустил.

Л. 10 В. Виноградие песни *

Дома ли хозяин? Дома!
{30}

1. А мы ходим робаты, виноградшики, да
Виноградые красно зеленое.
Да мы ищем, поищем господина
наводвор**, да
Виноградые красно зеленое.

²⁵ В начале этого стиха ошибочно повто-
рено и зачеркнуто: «Там за мо».

Да господина водвор на семидесят
верстов, да
Виноградые красно зеленое.
Да на семидесят верстов, на семи
столбов, да
Виноградые, да красно зеленое.
Да вокрук этого двора все железный
тын, да

Виноградые красно зеленое.
Как хозяин в дому, как Адам
во яру***, да
Виноградые красно зеленое.
Да как хозяйка-то в дому, как чулочка
в башмачку, да
Виноградые красно зеленое.
Да малы детушки в дому, как аладыки
в меду, да
Виноградые красно зеленое.

Л. 10об. Хозяин, хозя / ин, пошивеливайся, да
Виноградые красно зеленое.
Ты, хозяйка, хозяйка, поворачивайся,
Мне**** кафтан короток, я весь
передрок, да
Виноградые красно зеленое.
У мне торбоса тоненьки, у мне
ножки зябут, да
Виноградые красно зеленое.
Да у мне шапочка маленька, у мне
ушки зябут, да
Виноградые красно зеленое.
Да у мне перчаточки тоненьки,
у мне ручки зябут, да
Виноградые красно зеленое.
Коледа, коледа, подавай пирога, да
Виноградые красно зеленое.
Да не подаждь пирога, отворяй
ворота, да
Виноградые красно зеленое.

(По окончании этой песни отворяют дверь
и виноградшики входят. Под пляску начинают
петь другую песню.)

* Эти песни поются на святках, несколь-
ко молодежи, мужчин и женщин, ходят по
домам, первая песня поется перед крытыми
дверьми дома, а последние две поют по входе
в дом.

** Господинова двор.

*** В раю²⁶.

**** У меня²⁷

²⁶ Примечания и комментарии А. Е. Дьяч-
кова к тексту № 30 в рукописи расположены
на Л. 10.

²⁷ Это примечание у А. Е. Дьячкова к
тексту № 30 в рукописи расположено в кон-
це Л. 10об.

{31}

2. Пришли мы, пришли во двор
господину,
Виноградье, виноградь<е> красно
зе<ле>ное;
Хозяина дома нет, хозяйюшки
не случилось,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Л. 11 Хозяина звали на столы сто / ловать,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Хозяйку-то звали на пири пировать,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Сына-то звали на стрельбище
стрелять,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Дочь-ту звали на игрище играть,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Хозяина дарили золотым венцем,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Хозяйку дарили куньей шубой,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Сына-то дарили тугим луком,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Дочь-ту дарили золотым кольцом,
Виноградье, виноградье красно
зеленое;
Малых детушек дарили ритым
бархатом,
Виноградье, виноградье красно
зеленое.

(По окончании песни виноградшики по просьбе хозяина садятся, поют третью песню.)

{32}

3. Скопина родна матушка наказывала,
да
Виноградье красно зеленое.
Да добро-жалобно ему да
наговаривала, да
Виноградье красно зеленое.
Да ты не ездил, Скопин, да в каменну
Москву, да
Л. 11об. Виногра / дье красно зеленое.
Не дружился купцами Запоротскими,
да
Виноградье красно зеленое.
Да не кумился дочерью Малютою, да
Виноградье красно зеленое.

- Да не послушался Скопин да родну
матушку, да
Виноградье красно зеленое.
Да поехал Скопин да в каменну
Москву, да
Виноградье красно зеленое.
Да подружился купцами
запоротскими, да
Виноградье красно зеленое.
Да покумился дочерью Малютою, да
Виноградье красно зеленое.
Подавала ему кума чару зелена вина,
да
Виноградье красно зеленое.
Посреди чари ключ кипит, да
Виноградье красно зеленое.
Да по краям чари змеи выются, да
Виноградье красно зеленое.
Да выпивал он чару единым духом, да
Виноградье красно зеленое.
Ево бойная головушка покатила, да
Виноградье красно зеленое.
Да ево белая ручки распустились, да
Виноградье красно зеленое.
Л. 12 Да ево резвые ножки / подломились,
да
Виноградье красно зеленое.
Ложился Скопин на добра коня, да
Виноградье красно зеленое.
Да не носи меня, добрый конь,
да в каменну Москву, да
Виноградье красно зеленое.
Да не в каменну Москву, да
к родной матушке, да
Виноградье красно зеленое.

<Л. 12об. — чист.>

Л. 13 Г. Свадебные песни

В доме невесты накануне брака или, как говорят, на девичнике

{33}

1. NN* По двору ходила, по двору гуляла,
Всех своих подруженьков собирала.
Садила и<х> рядом всех,
Сама садилась выше всех,
Голову клонила ниже всех,
Думушку думала больше всех:
Как мне жить, как мне быть,
Как мне свекра, свекру звать?
Назову я свекра батюшкой,
Назову я свекру матушкой,
Деверьев назову я братцами,
Золушок назову сестрицами.

*Имя и отчество невесты.

{34}

2. Ох! Вы нянюшки, мамушки мои,
Не дивуйтесь надо мной,
Не своей волей я замуж пошла,
Отдает меня сударь-родной
батюшко,
Судариня-родна матушка
Как чужому свекру-батюшке,
К чужой свекре-матушке.
Свекр-от будто в поле волк, лютой
зверь,
А свекра-та, будто туча грозная,
Без дождичка вымочит,
Л. 13об. Без солнишка / высушит.
Как деверья-то, братцы мои,
Будто ветри-вихора,
Как золовуски, сестри мои,
Будто змеи-змеи подпашушные,
Как чужоет (чужой-от. — Т. Ш.)
чуженек
Без морозу сердце выморозит,
Без плеточке выучит,
Без дождика вымочит,
Без солнишка высушит.

{35}

3. Ах Коман ты мой Коман, лошадь
добрая,
Отпустила эту лошадь NN*
Побеги, моя лошадь, ко двору
воеводскому,
А ты будь, а ты, лошадь непокорная,
Покорайся ты NN**,
Ко крыльцу ко тестевому,
Ко терему²⁸, ко тёшиному,
Ко спалинке ко невестиной.
Тут увидала душа N***,
Волка испужалася,
Увидала серова, побросалася,
Золотые перстенья притерала,
Жемчужные сережки притерала.
И стала эта лошадь у ней будто
вкопаная.
Она золоту ево гриву учесывала,
Учесывала, углаживала,
По тугим ево бедрам да утрепивала.
Тут садилась она на добра коня,
Тут садилась N на выноходова,
Л. 14 Понеси меня конь ко двору NN****,
За белы ево ручки принимала,
За златы ево перстенья прижимала,
В сахарны ево уста соловала.

*Имя и отчество невесты.

**Имя и отчество жениха.

²⁸ Перед словом «терему» зачеркнуто не-
дописанное слово «горенке».

***Имя невесты²⁹.

****Имя и отчество жениха³⁰.

*По входе в дом невесты жениха и тысяц-
каго с подарками*

{36}

4. Семена були сахарные,
Я немного вас посеяла,
На што вы много уродилися,
Три поля, поля чистыя?
Как первое полё — до Киёва,
Второ-то полё — до Черниёва*.
Тут она заплакалася, растужилася,
Душа красна девица — NN**
О своей, об русе косе:
— Мне теперь тебя не чосывать,
Золотой кошничек не преплетьвать.
Доставалась мужику ему,
Мужику ему городинскому,
Ко кафтану, ко камчатому.
Разложили косу натрое,
Тут покроют ее золотым венцом.

*Чернигова.

**Имя и отчество невесты.

Л. 14об. *Встречают тысяцкаго с поездом на
крыльце у дома невесты*

{37}

5. Тихо Бояре, тихо Бояре
снаряжались,
Тихо большия сподоблялися.
Не були ветри, навеяли,
Не були гости, наехали.
Милости просим! Милости просим!
Добро-жаловать,
Посмотрите на нашу NN*³¹

*Перед выходом невесты из-за стола под
благословение родителей идти под венец*

{38}

6. Сонцо, сонцо катилося
из-за лесочку,
Красно катилось из-за темнаго,
Выходила душа NN из-за стола,
Бросила ключи на дубовые столы:
— Я тебе, батюшко, тебе
не клюшница твоя,

²⁹ Примечания и комментарии А. Е. Дьячкова к тексту № 35 в рукописи расположены на Л. 13об.

³⁰ Данное примечание А. Е. Дьячкова к тексту № 35 в рукописи расположено на Л. 14, после № 36.

³¹ Примечание относится к песням 37 и 38, так как их тексты написаны на одном листе.

Я клюшница буду свекру-батюшке,
Я тебе, родная матушка,
 не варебница твоя,
Варебница я буду свекре-матушке.
— Ох! Ты, дитетко, не отдам тебя.
— Ох! Ты, батюшко, ведь
 во дворе-то бояре.
— Ну, дитетко, ты дитя, Бог с тобой.

*Имя и отчество невесты

*Л. 15 Во время благословения отцом и матерью
жениха и невесты (Родителями невесты)*

{39}

7. Благословляет меня родной

батюшко,
 Благословляет меня родна матушка
 Во Божью церковь идти,
 Закон Божий принять.
 А мы станем под злат, под венец,
 А мы будем обручаться.

В доме жениха перед благословением и отходом его в дом невесты, откуда пойдут в церковь

{40}

8. NN* вышла на крыльцо,
Выпустила сокола из рукава,
Из рукавчика наверхчатова.
— Полетай, ты, мой ясен сокол,
Ко двору-двору, ко тестеву,
Ко терему ко тёшиному,
Ко спалинке, ко невестиной.
Тут невесте, тут было не время,
Ишо было ей великой недосук.
Л. 150б. На / бело лицо она белилася,
На румян она румянилася,
В чистом зеркале она смотрелася,
Красоте своей удивлялася.
Тут злянула она в окошечко:
— Ох! Вы, нянюшки, вы, мамушки
мои,
Ишо что это за пташечка сидит,
Ишо что это за маленька?
Ишо это не пташечка, ишо
не маленька,
Ишо это твой суженой,
С ним ты во боژیю церковь
пойдешь,
Ишо станешь с ним под златой,
под венец,
Ишо с <ним> ты примешь закон
божий.

*Имя и отчество матери жениха³².

*По порядку эта песня поётся между 4—5
песнями в честь тысяцкого и шаферов*

{41}

(Без номера. — Т. III.)

Тысяцкий — большой человек,
Тысяцкий — воевода.
Торгует он не рублями,
А человеческими головами;
Ты дари, дари певцов ни рублями,
Ты дари, дари певцов сто рублями*

**Эта песня повторяется столько раз, сколько шаферов по женихе, которые кладут деньги в пользу певицы.*

Л. 16 Это столовая песня. Она поется во время свадебного обеда и повторяется столько раз, сколько пар присутствуют на обеде. Под парой я разумею мужчину и женщину

{42}

9. Гўляла³³, погўлівала
Наша гордая бояриня —
NN*

Она бўжила, побўживала
Своева дружка милова
NN**

Ты встань, пробудися, мой друг,
Оторвался наш доброй конь
У столба-столба дубовова, да
У колечечка серебрянова.
Ты не плачь, моя умница, да
Не тужи, душа-разумница,
Наживом себе зеленые луга, да
Наживом себе зеленые луга
Со калиною-малиною, да
Черной ягодой смородиную.

**Имя и отчество женщины, про которую
начнется песня.*

****Мущина, ея муж или другой, припевае-
мый к ней.**

Комментарии

Игровыми Дьячков назвал все **хороводные и плясовые** песни. Среди них есть **троицкий хоровод** («Ах ты, венчик, мой веночек»), песня, во многих местах Сибири, как и в Маркове, ставшая вечерочной, **хороводно-игровые**, с разыгрыванием сюжета в соответствии со словами песни (№ 1, 2, 7, 8, 10, 12, 15, 19)³⁴, **фигурный хоровод** («Заплетайся, плетень, завивайся»), **плясо-**

³² Примечание А. Е. Дьячкова к тексту № 40 в рукописи расположено на Л. 15.

³³ Зачеркнут вариант начального слова: «Ходила».

³⁴ Нумерация указана по Дьячкову.

вые (№ 4, 5, 6, 9, 10, 14, 17, 18)³⁵. Почти половина из этих песен — «поцелуйные», заканчиваются поцелуем пар (№ 1, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 14). Песню «Как у голуба» (№ 3) пожилые марковчанки убежденно называли свадебной. Очевидно, она в какое-то время входила в песенный цикл, сопровождавший местную свадьбу.

В общем, это все — хрестоматийная классика хороводного и плясового жанра, некоторые образцы известны еще по сборникам XVIII в.³⁶ Эти песни продолжали жить в памяти марковских старожилов до последних десятилетий прошлого века. В Маркове, в 1960-е гг., когда я впервые туда приехала, все эти песни принято было называть вечерочными, по их бытовой приуроченности, а плясовые еще и «вертятными» — по излюбленному кружению пар под эти песни. Но в материалах американской, так называемой Джезуповской экспедиции (The Jesup North Pacific Expedition, 1897—1903 гг.), которая производила фонографические записи на Анадыре в 1900—1901 гг., спустя четыре года после составления «Марковского песенника», эти песни также названы «игровыми»³⁷. Следовательно, со временем здесь было утрачено традиционное местное определение жанра.

Две песни — «Заплетайся плетень» и «Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди» — не случайно помещены Дьячковым под одним номером. Это часть сюиты из хороводных и плясовых песен, исполнявшихся одна за другой на вечерках в Маркове и в колымских селениях [Богораз 1901, № 24; Якубовская 2012, 427—428]. В репертуаре самодеятельного фольклорного хора «Марковские вечерки», который формировался на основе памяти его активных участниц — женщин старшего поколения (1902—1919 г. р.), у-

вердился цикл из трех песен, первая из которых «Ай во поле травонька» (так же как и в колымской записи В. Г. Богораз, но отсутствующая в «Песеннике» Дьячкова), вторая — «Заплетайся плетень» в более полном варианте, с «расплетанием плетня», и третья — «Вы раздайтесь, расступитесь...» [Шенталинская 1983, 34]. Интересно, что спустя более шестидесяти лет после составления Песенника от участницы хора А. П. Никулиной (1902 г. р.) этот цикл был зафиксирован точно в такой же комбинации, как у Дьячкова³⁸.

Заунывными и любовными Дьячков назвал лирические песни, среди которых также классика жанра: «Лучинушка», «Сказали про молодца будто без вести не стал» (Угрюмая жена)³⁹, «Заря занималась, солнце выкаталось» — солдатская о прощании с полком-хатерушкой-хозяйшкой и, тоже классика жанра, но уже более позднего слоя: городская — «Вечёр был я на улице, на дворе»⁴⁰, песни литературного происхождения, такие как «Снежки белые, пушисты», «Матушка да голубушка».

Из восьми лирических песен четыре не записывались в Маркове больше никем и таким образом обогащают наименее известную часть традиционного репертуара. Это песни 1, 3, 7, 8 по нумерации Дьячкова.

Конечно, ценны тексты не столь уж распространенных **виноградий**. Среди них — два традиционных семейных благопожелания: одно с мотивом «Семья в достатке»⁴¹, второе — с мотивом «Одаривание хозяев» и, что самое ценное, третье — историческая песня об отравлении и смерти Скопина-Шуйского с «виноградным» припевом. Ее пели как на Анадыре, так и на Колыме при рождественском обходе домов. Пели, уже войдя в избу по приглашению хозяина. О чем свидетельствует и комментарий соста-

³⁵ В данном случае жанровое определение дано на основании свидетельства об их бытовании в качестве таковых, сообщенного местными жителями автору публикации в 60-е и 80-е годы прошлого века.

³⁶ «Плыла лебедь» («Ах по морю») [Чулков 1780, № 187; 8: № 18; 3: № 46]; «Заплетайся, плетень, заплетись» [Чулков 1774, Прибавления, № 88; 3: № 125]; «Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди» [Чулков 1774, Часть I, № 174; 8: № 8; 3: № 88].

³⁷ О фонографических записях на Анадыре см.: [Шенталинская 1999; Якубовская 2008; Якубовская 2012].

³⁸ Запись 1962 г. уроженца Маркова, краеведа Э. В. Гунченко, хранящаяся в архиве марковского Дома культуры.

³⁹ Зачин этой песни: «Сказали про молодца, будто без вести пропал» известен еще по сборнику В. Трутовского [Трутовский 1953, № 60].

⁴⁰ Эта песня, начинающаяся со слов «Получил письмо от девушки сейчас» опубликована в сборнике Львова-Прача [Львов-Прач 1955, № 37].

⁴¹ Определение Ю. И. Смирнова [Смирнов 1990, 7].

вителя Песенника. Как известно, в этой же функции рождественского винограда песня о смерти Скопина бытовала в ограниченном локусе на Русском Севере [Бернштам, Лапин 1981, 85]. Судя по всему, это одна из первых, старейших русских песен, пришедшая на Анадырь вместе с первопроходцами, выходцами из велико-устюжских земель. Эта песня была опубликована еще в XVIII в. в первом печатном собрании русских песен М. Д. Чулкова [Чулков 1774, № 159].

Особую значимость имеют **свадебные** песни. Десять текстов — от «девишника» до «свадебного обеда» — восполняют лаку в фиксации местного репертуара, так как свадебные песни были утрачены в памяти марковцев вместе с разрушением самого обряда. Лишь одна сохранилась, перейдя в репертуар вечеров «Гуляла, погуливала наша гордая боярыня» («По сениям было сенечкам»). Фонографические записи свадебных песен, сделанные в Маркове в 1900—1901 гг., когда там работала партия американской Джезуповской экспедиции⁴², пока не поддались расшифровке, а, возможно, они непоправимо утрачены из-за состояния восковых валиков, кроме песни «По сениям было сенечкам», которая уже расшифрована и опубликована [Якубовская 2012, № 26].

Восемь свадебных песен из десяти сопадают с записями В. Г. Богораза, сделанными им на Колыме [Богораз 1901, №№ 48, 50, 54, 56, 57, 58, 62, 63, 74], что говорит о едином источнике этого свадебного цикла на Колыме и Анадыре, источнике, который еще предстоит искать. Три из этих песен бытовали и были записаны на Индигирке, в трех других свадебных индигирских песнях звучат сходные с марковскими мотивы [Русское Устье 1986, №№ 187, 188, 189, 190, 196, 197, 202, 204]. Очевидно, этот свадебный цикл, сохраненный для нас Афанасием Дьячковым, также принадлежит к старшему «пласту» местной песенной традиции. Следует напомнить, что две из свадебных песен, бытовавших в Маркове, также известны еще по первому печатному собранию русских

песен М. Д. Чулкова. Это свадебные песни № 1 и № 9 из Песенника [Чулков 1780, Часть I, № 154; Прибавления, № 27].

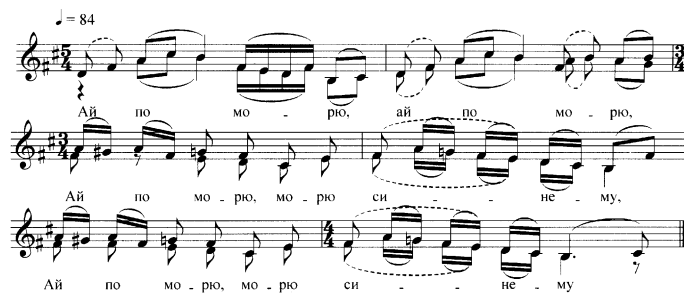
Мной уже проделано предварительное статистическое сравнение текстов Песенника с другими сибирскими публикациями и записями. Наибольшее число их вариантов, как и следовало ожидать, оказывается в колымских записях Богораза, опубликованных в его Областном словаре колымского русского наречия — это 30 песен (по нумерации Дьяккова: игровые № 1—4, 6—8, 10—13, 16, 16 («Вы раздайтесь, расступитесь...»), 17, 19; заунывные и любовные № 1, 3, 6, 7; виноградие № 1, 2, 3; свадебные № 1, 2, 4—6, 8, без номера — «Тысяцкий...» и № 9).

Надо сказать, что многие словесные тексты, записанные Дьячковым в наши дни, могут быть полноценно дополнены напевами. Варианты 20 песен из записанных Дьячковым сохранены в фонографических записях Джезуповской экспедиции, почти к 30-ти песням могут быть приложены напевы их вариантов из моих марковских записей 1960-х, 80-х гг. Различия в словесных текстах большинства записей незначительны.

Вариант одной из «игровых» Песенника Дьяккова — излюбленная в репертуаре местного фольклорного хора и записанная мной от его участниц хороводная «Ай по морю». Песня начинается с ярко, самобытно звучащего хода — восходящей терцовой цепочки, воспроизводящей в результате рисунок большого мажорного септаккорда. Подобные терцовые цепочки, как восходящие, так и нисходящие, нередки в мелодике марковских песен и могут быть отнесены к характерным приметам местного стиля (запись 1981 г.).

«Заунывная и любовная» — «Матушка да голубушка» была записана в Маркове в 1969 г. от чуванца Якова Дмитриевича Созыкина, 1913 г. р. (запись Т. и В. Шенталинских). В варианте Созыкина происходит контаминация с песней об «Угрюмой жене» (В Песеннике — «Сказали про молодца будто без вести не стал»), имеющей сходный мотив — «ночной приход любовника». Очевидно, исполнитель, почувствовав какую-то путаницу, делает остановку (место отмечено нами знаком *) со словами: «Давайте на этом контябре...», но после просьбы продолжить пение заканчивает песню.

⁴² Партию, работавшую на Анадыре, возглавлял В. Г. Богораз. В Маркове фонографические записи русского фольклора делала его жена Софья Константиновна, там же работал еще один участник экспедиции Александр Аксельрод, и в помощь им был определен казак Толстухин.

Ай по морю, ай по морю
Ай по морю, морю синему, (2 раза)
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь со лебядушками, (2 раза)
Со с малыми, со с малыми,
Со с малыми со дитятюшками. (2 раза)
Окурнулася, окурнулася,
Окурнулася, стрепехнулася. (2 раза)
Под ней вода, под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася. (2 раза)

Вышла лебедь, вышла лебедь,
Вышла лебедь всё на наш бережок. (2 раза)
Ходил-гулял, ходил-гулял,
Ходил-гулял по лесам, по лугам, (2 раза)
Сбирал перья, сбирал перья,
Сбирал перья лебединые, (2 раза)
Ниоткуль взялся, ниоткуль взялся,
Ниоткуль взялся удалой молодец, (2 раза)
Низко кланялся, низко кланялся,
Низко кланялся, здоровался со мной. (2 раза)

- А. Матуска да голубушка, дититка родимой,
- Б. Чуть я заснула да грезитца мне во сне,
- А. Грезитца мне во сне будто как на яву:
- Б. Присол, присол [мой] милинькой во хтором часу ноти.
- Б. Зылезной-те кроватоски мело (в)он подходил,
- Б. Солковую да зановись смело вон ростворил,
- Б. Соболиннойо [о]дьяльцецо смело он распорьхнул,
- Б. Правую рутеньку полозыл на белую мне грудь.
- А. — Спис ли, спис ли, милая, ни спис, так лёзыс?
- Б. — Затем, затем, ты, милый мой, долго ты не бивал?
- Б. Присол, сол...*
- Б. Присол, присол где милинькой во хтором тясу ноти
- Б. — Затем, затем, ты, добрый мо...[вот], долго ты не бывал?
- Б. — Красна девица, с тобой ночку ночувал,
- Б. Розугрумай-ти мне зэной век мне с ней зэ викувать.
- А. — Добрый, добрый молодец, распостимся мы навсегда!

Обращает на себя внимание особенность мелодической строфики. Двухстиховая мелострофа — АБ (стихи помечены нами соответственными буквами) — подчиняется способу песенного высказывания со свободным комбинированием последовательности мелодических фраз. В стихах перечислительного содержания многократно повторяется второе мелодическое предложение (Б), и не случайно исполнитель возвращается к зачинному музыкальному предложению (А) в драматические моменты начала диалога героев. Подобная трактовка мелострофы хорошо известна в сказительской практике, но встретила нам и в исполнении песни «Вниз по матушке по Волге», тоже марковским жителем, чуванцем И. И. Куркутским, 1916 г. р. [Шенталинская 2009, 158—159].

Заслуживают внимания особенности лексики Песенника. В текстах много редких слов и старых, даже древних словесных форм, например: «Первый **спень** я заснула»; «Из перстней **ставки** теряются», «С кабаку идет невежа, **пьяншет**, скачет», «А мы ходим, **робаты**», «Из рукавчика **наверчатова**», «Вот те крепки караулы — **мурзые** собаки», «— Княгини, да во **се** наш кафтан», «**Неоткуль** взялся удалой молодец», церковно-славянское **подаждь** — «Да не **подаждь** пирога, отворяй ворота» — явный след церковного служения автора.

Встречаются несколько характерных слуховых подмен, например: «Со выюном я хожу, **животом** гуляю... Соложу я выюн, соложу **живота**...». Эти же «**животом, живот**», заменившие «золотой, золото», обнаруживаются и в других сибирских записях XIX в.: в варианте с Алтая⁴³ [Песни Сибири 1985, № 200], в колымском варианте, в котором особенность колымского говора приближает произнесение к слову «золото» — «Со выюном я хожу, **животом** гуляю.... Я не знаю где **живот** поместить» [Богораз 1901, № 10], а также в камчатской записи 60-х годов уже XX века⁴⁴ [Свадебные песни 1979, № 179]. В тексте, записанном от участниц хора «Марковские вечерки», хранящемся в архиве Дома культуры, находим еще один вариант: «Со венком я хожу, **живо-то** гуляю, Я не знаю куда веноч соложить, Я не знаю, **живо-то** соложить». Слуховую подмену слова нахо-

дим и в зачине песни — «Стой, мой милый хоровод» (участницы «Марковских вечеров» поют: «Встань, мой милый, в хоровод» [Шенталинская 1983], у Дьячкова: «Стань, мой милой **караул**»). Возможно, что это индивидуальное слышание самого составителя, так как марковцы в годы, близкие составлению Песенника, пели: «Стой, мой мирной **каравол**» [Якубовская 2012, № 15а].

Почти во всех текстах настойчиво дают о себе знать особенности местного говора. Это важная примета не только с лингвистической точки зрения, так как характеризует автора собственно рукописи Песенника. Рукопись выполнена каллиграфическим почерком, что может дать основание для предположения о работе какого-то писаря-переписчика. Вряд ли этот человек поставил перед собой сугубо научную задачу скрупулезного сохранения грамматических ошибок и множества случаев «не литературных» фонетических транскрипций автора-составителя Песенника. Если предположить, что чистовик написан не самим А. Дьячковым, сделано это было, несомненно, местным жителем, уверенно чувствующим себя в родной речевой стихии, без сомнения и запинки многократно повторяющего характерные для марковцев:

— замену [т] на [ч] и [ч] на [т] «Речивое сердечушко», но «Подзолотеной венец», «Одеяльцо тинно приоткрыл» (след русско-северного «цоканья»); [з] на [ж] — «Вы сойдитесь ближешинько»;

— частую мену твердых и мягких губных согласных — «Любими подружки», «Тут невесте, тут було не время», «Ума-разума **питает**», «Есть таковых много лучше тебя»;

— типичное для марковцев явление, в большом количестве примеров отраженное в рукописи, — то смягченное, то жесткое [р] — «Слезно возридала», но «Посмотру в окошко», «Что сударюшка твоя», «Золотми ключми испробакала»;

— столь же характерную для местного говора фонетическую замену [о] и [ы] на [у] — «Укорнулась, стрепенулася», «Я бы вольна казачка була»;

— некоторые фонетические особенности, связанные с характерным для говоров русского северного наречия произношением твердых губных согласных на месте мягких в конце слова, например: 177

⁴³ Запись С. И. Гуляева.

⁴⁴ Запись К. М. Браславца.

голуб, — отсюда: «Кабы ты, моя голубка, со мной, голубом жила». В последнем примере — еще одна характерная для марковцев примета — пропуск, утрата предлога, еще подобный пример: «Получил письмо, крепко сердцу прижимал».

В рукописи многократно отражено выравнивание основы глагола во всех формах настоящего времени: «Я катю, катю, по блюдечку», «Вон хорошинькой бегот», а также типичная для русского северного говора черта — стяжение гласных в окончании глагола: «По этой порошиньке дорожка белет, По этой дорожиньке мой милой гулят». В целом рукопись представляет собой весьма ценный объект для лингвистического анализа.

По-видимому, составитель пропевал песни, когда их записывал, о чем свидетельствуют проставленные во многих случаях «песенные», не грамматические ударения. Например: «Соложу тебя веночик на головку, ой да на головку, ко удалому да ко молодцу, ой да ко молодцу».

* * *

Если Михайло Ломоносов добрался из своих Холмогор до столичных «академий» и в полной мере раскрыл свои дарования, то Афанасий Дьячков так и умер на далекой Чукотке в бедности и безвестности. Умер он в 1907 г. Николай Жихарев заканчивает свою повесть о первом марковском учителе такими словами: «Жизнь Афанасия Ермиловича — это подвиг во имя просвещения малочисленных народов Чукотки, во имя науки общероссийской». Теперь мы вправе считать Афанасия Ермиловича Дьячкова и первым фольклористом на Чукотке.

Автор приносит благодарность за консультацию Розалии Францевне и Леониду Леонидовичу Касаткиным, главным научным сотрудникам Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Литература

Стариков 1961 — Стариков В. С. К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова, первого марковского краеведа-самородка // Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1961. С. 98—101.

Бернштам, Лапин 1981 — Бернштам Т. А., Лапин В. А. Виноградье — песня и обряд // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3—109.

Богораз 1901 — Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. СПб., 1901. (Отдельный оттиск из Сб-ка Отделения Русского языка и словесности Имп. Акад. Наук. СПб. Т. 68, № 4.)

Жихарев 1992 — Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьячкове. Магадан, 1992.

Львов-Прач 1955 — [Львов-Прач] Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. М., 1955. (Первое издание — 1790 г.)

Песни Сибири 1985 — Хороводные и игровые песни Сибири. Новосибирск, 1985.

Русское Устье 1986 — Фольклор Русского Устья. Л., 1986.

Свадебные песни 1979 — Русские свадебные песни Сибири. Новосибирск, 1979.

Смирнов 1990 — Смирнов Ю. И. Колымское винограды // Русский фольклор Сибири. Элементы архитектоники (Сборник научных трудов СО Академии наук СССР). Новосибирск, 1990. С. 5—31.

Трутовский 1953 — Трутовский В. Собрание русских простых песен с нотами. М., 1953. (Первое издание: часть 1 — 1776, часть 2 — 1778, часть 3 — 1779, часть 4 — 1795.)

Чулков 1774 — Чулков М. Д. Собрание разных песен: Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. I. Части I, II и III с Прибавлениями 1770 — 1773 гг. СПб., 1913. (Первое издание — 1770—1774.)

Чулков 1780 — Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен. Часть IV. 1780.

Шенталинская 1983 — Шенталинская Т. С. Марковские вечера. Магадан, 1983.

Шенталинская 1999 — Шенталинская Т. С. «Не прошло и ста лет...»: Фонографические записи русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедиции // Живая старина. 1999. № 2. С. 31—34.

Шенталинская 2009 — Шенталинская Т. С. Русская «Лодка» на крайнем северо-востоке России // Русская народная песня: Неизвестные страницы музыкальной истории. Вып. 2. Российский институт истории искусств. Сектор фольклора. СПб., 2009. С. 154—174.

Якубовская 2008 — Якубовская Е. И. Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораз и В. И. Иохельсона // Русский фольклор. Вып. 33. СПб., 2008. С. 181—246.

Якубовская 2012 — Якубовская Е. И. Русский фольклор и христославные песнопения на Анадыре и Колыме в записи В. Г. Богораз, В. И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900—1903 гг.) // Русский фольклор. Вып. 36. СПб., 2012. С. 332—433.